

УДК 171
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-94-98
EDN: IETORP

К. МакГинн

Колледж Иисуса,
Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания

Перевод с английского

Р. Л. КОЧНЕВ

Тюменский
государственный университет,
г. Тюмень

ПОЧЕМУ БЫТЬ ЖИВЫМ — ЭТО БЛАГО?

В эссе рассматривается проблема ценности жизни. Для живых организмов, вроде нас, она представляется безусловным благом. Кажется, что необходимые основания подобного к ней отношения должны быть представлены в самой онтологической структуре жизни. Однако беспристрастный анализ показывает, что ценность жизни является чем-то внешним по отношению к ней самой.

Ключевые слова: жизнь, смерть, ценность, удовольствие, знание.

Мы привыкли считать, что быть живым — несоизмеримо лучше, чем быть мертвым. Но почему мы так считаем? Что делает нашу жизнь чем-то ценным? На этот вопрос гораздо сложнее ответить, чем вы можете предположить, и в этом эссе я не смогу дать окончательный ответ. Я действительно не знаю, почему жизнь считается за благо, но я твердо уверен, что стандартные ответы на этот вопрос являются ошибочными.

Совершенно иначе дела обстоят, например, с красотой и добродетелью. Если мы спросим, почему существование красоты и добродетели в нашем мире считается за благо, то получим незамедлительный ответ: потому что красота и добродетель — сами по себе благие вещи. Благость как бы вписана в них на уровне определения. Однако свойство 'быть живым' само по себе не является оценочным, поэтому нам необходимо найти нечто связанное с ним, что имело бы ценность. Но что это могло бы быть?

Простое существование не может быть ответом на этот вопрос. В самом по себе существовании как таковом нет ничего ценного, а если даже и есть, то это вовсе не та особая ценность, которая, как мы думаем, заключена в наших жизнях. Ведь если мы соглашаемся со святым Ансельмом, что существовать лучше, чем не существовать, то мы либо думаем о живых существах, подобных нам самим,

либо используем очень тонкое понятие 'лучше, чем'.

Мы также должны избавиться от мысли, что жизнь есть только потому, что должно быть нечто ценное в самом факте ее появления. Эволюционный процесс не был инициирован и тем более никогда не управлялся каким-либо нормативным принципом; эволюция не признает жизнь за благо для того, чтобы иметь основание стремиться к ее появлению. Эволюция слепа, и любая ценность, которой обладает жизнь, является простой случайностью. Бог, например, мог бы создать жизнь, сочтя ее за благо, но это, очевидно, не тот же самый процесс, где живые существа появляются в ходе эволюции. И даже если бы Бог действительно создал жизнь, посчитав её за благо, это не объясняет, почему она является чем-то ценным.

Может быть, мы добьемся чего-то большего, если поточнее определим, что такое жизнь. Считаем ли мы жизнь растений, бактерий и низших животных благом? Если да, то мы не склонны думать, что она является благом в том же смысле, в каком является благом *наша* жизнь или жизнь других высших животных. Можно предположить, что в самоорганизации и сложности есть нечто ценное, но все же это явно не то, о чем пытается сказать человек, когда заявляет «Быть живым — это благо!». Возможно, жизнь наделяется таким свойством благодаря осо-

бому способу нашего существования. Здесь кажется естественным сослаться на сознание: причина того, что в нашем случае (как и в случае других высших животных) свойство 'быть живым' представляет собой благо, состоит в том, что мы обладаем сознанием. Сознание есть благо по своей природе, и именно оно делает жизнь чем-то ценным. Но является ли сознание таковым по своей природе? Что если на самом деле оно болезненно, несчастно, ограничено в своих способностях и развращено? Что если оно крайне примитивно, как, например, у улиток или медуз? Опять же, мы можем предположить, что любое сознание, независимо от того, насколько бы оно ни было примитивно или как бы долго оно ни страдало, имеет какую-то внутреннюю ценность, но мы ведь явно подразумеваем нечто большее, когда говорим, что наша сознательная жизнь имеет ценность. Разница заключается не в сознании как таковом, но в чем-то особом, присущем именно *нашему* виду сознания.

Кажется неясным также и само по себе утверждение, что сознание является *необходимым* условием для того, чтобы жизнь имела ценность. Если человек постоянно находится в бессознательном состоянии и видит сны, его жизнь все равно может обладать ценностью — его сны могут быть творческими, приятными и крайне насыщенными. А что, если наша жизнь на самом деле всего лишь сон, — разве в этом случае она лишается всякой ценности? На это можно ответить, что сны на самом деле являются сознательными процессами, даже если сам сновидец находится в 'бессознательном состоянии'. Давайте рассмотрим бессознательный разум: разве его существование лишено всякой ценности? Считаем ли мы, что человек, находящийся в коме с активным бессознательным, обязательно проживает никчемную жизнь? Это зависит от того, как мы трактуем понятие бессознательного. Возьмем следующий мысленный эксперимент: представим, что каждое обычное ментальное состояние сознательного существа происходит бессознательно. И затем зададим себе вопрос: отсутствует ли теперь ценность в жизни такого человека? Что если создать особый вид зомби, у которого вообще нет никакого сознания, но все его функции будут выполняться бессознательным образом, через соответствующую связь с телом? Этот зомби может вести себя так же, как сознательное существо, и иметь те же ментальные состояния, просто ни одно из них больше не является частью его сознания. Я думаю, было бы откровенной дискриминацией считать, что 'инвалидность' подобного рода означает полную никчемность его жизни. Что если марсиане существуют именно таким образом, — у них отсутствует сознание в привычном нам смысле, но при этом они обладают богатым и тонко организованным бессознательным? Мы же не хотим быть обвиненными в дискриминации по принципу сознания — в своего рода 'каншэснесизме' (или 'спешизме'). Даже если мы не согласны с метафизической конструкцией этого мысленного эксперимента и считаем метафизически невозможным появление подобных существ, у нас все равно остается возможность судить о потенциальной ценности жизни даже в таких крайне необычных обстоятельствах. Например, если мы в вопросах сознания принимаем взгляды теории самоконтроля¹, то не станем считать различия в сознательных и бессознательных ментальных состояниях столь драматичными, чтобы проводить между ними резкие нормативные границы. Что нам

с того, что 'зомби' не может воспринимать и думать о своих первопорядковых ментальных состояниях, — важно то, что у него есть такие состояния. Важен именно разум, а не только сознание, как его состояние. Поэтому не сознание как таковое делает жизнь чем-то ценным.

Но тогда, может быть, речь идет о психике в самом широком смысле этого слова? Очевидно, что сама по себе она также не будет обладать безусловной ценностью, нам совершенно точно потребуются исключить из нее такие вещи, как страдания или дурные намерения. Это должно быть что-то более конкретное и ограниченное. Напрашивается естественная мысль: являясь живыми (и обладая разумом), мы создаем многие ценные вещи, вроде искусства, наук, социальных сообществ и моральных добродетелей. Хотя список тех, кто мог бы иметь с ними дело, не следует ограничивать только сознательными существами; размышляя менее шовинистически, мы вполне могли бы допустить, что бессознательные (но разумные!) существа, если конечно, они могут существовать, также способны к подобного рода деятельности. Есть мнение, что именно бессознательное играет ведущую роль в творческой деятельности, поэтому мы можем позволить ей процветать в бессознательных обитателях нашей Вселенной (либо некоторой возможной Вселенной). Преимущество этой позиции в том, что здесь мы как бы встраиваем 'благость' в рассматриваемое нами свойство 'быть живым' в виде действительно *ценных* вещей. Она кажется многообещающей, но, к сожалению, быстро сталкивается с обвинением в шовинизме (и даже более того, спешизме). Ведь что мы можем сказать о детях, животных и менее творческих людях? Неужели их жизнь лишена ценности и ничем не лучше мертвого состояния? Разве праздная жизнь человека, который просто наслаждается окружающим его зрелищем в виде деревьев, цветов и неба, не стоит того, чтобы ее прожить? Кажется, что отрицательный ответ был бы слишком высокопарным и откровенно интеллектуально предвзятым. Мы склонны думать, что жизнь может считаться за благо, даже если конкретный человек, ее проживающий, не является гением и не совершает ничего выдающегося.

Нам на помощь может прийти старая идея — удовольствие. Жизнь является благом, потому что она доставляет удовольствие. Можно согласиться с тем, что удовольствие — это действительно что-то ценное, даже несмотря на то, что у нас появится желание провести различие между его высшими и низшими формами. Однако проблема в том, что жизнь может быть чем-то ценным и при полном отсутствии удовольствия. Если мои центры удовольствия разрушены, разве моя жизнь от этого не стоит того, чтобы ее прожить? Разве большая часть вашего дня не проходит при полном отсутствии удовольствия? И разве ваша жизнь во время таких гедонистических пауз не является для вас чем-то лучшим, чем пусть даже и временная, но все же смерть? Что если наши марсиане будут антигедонистами, которые давно исключили удовольствие из своей жизни? Можно ли их теперь убивать без всяких угрызений совести? Так что, кажется, не только удовольствие и не одно лишь удовольствие как таковое придает ценность нашей жизни.

Может быть, мы добьемся большего прогресса, если признаем наличие спектра при решении вопроса о ценности жизни? Это опасный путь, открытый для всевозможных дискриминационных

'измов': почему человеческая жизнь (любая человеческая жизнь) непременно должна считаться чем-то более ценным, чем жизнь обезьяны, собаки или слона? Действительно ли мы хотим сказать, что некоторые человеческие жизни ценнее, нежели другие? Имеют ли одни люди больше прав на свою жизнь, чем другие? Не является ли каждая жизнь уникальной ценностью для существа, которое ее проживает? Может быть, нам удастся обойти эти этические мели, признав, если и есть что-то, что делает жизнь чем-то ценным, оно может иметь разные степени, не оспаривая при этом право на жизнь каждого, кто ее проживает. Что бы это могло быть такое, что каждый взрослый человек, каждый человеческий ребенок и каждое высшее животное (а также некоторые 'низшие', хотя остерегайтесь шовинизма, когда делаете такие утверждения!) имеют друг с другом общего, что делает их жизнь чем-то ценным? И давайте не будем забывать о бессознательных зомби, они тоже должны быть включены в наш список. Разумеется, все они являются живыми существами, но есть ли в их жизнях некоторое онтологическое условие, благодаря которому свойство 'быть живым' становится чем-то ценным?

Ранее я уже признался, что у меня нет никакой уверенности в этом вопросе, но вот мысль, от которой мы можем оттолкнуться в своих размышлениях: всех их объединяет то, что они обладают *знанием*. Очевидно, что знание у разных существ может различаться по своему виду и количеству и, следовательно, может наделять их жизни разной степенью 'благости'. В данном случае я имею в виду не только пропозициональное знание или какую-то форму 'книжной учености', но также и непосредственное знакомство с объектами и их свойствами, осведомленность об окружающей среде, постижение, восприятие, интроспекцию, проприоцепцию и даже возможность видеть сны, — весь спектр когнитивных способностей. Все это базовые способности любого разумного существа (за исключением, пожалуй, совершенных зомби, лишённых даже бессознательного), поэтому тут нет опасности шовинизма. Вопрос заключается в том, действительно ли знание в этом широком понимании является *благом*? И если является, то в чем состоит его ценность? Традиционно считается, что знание обладает внутренним благом, и наша интуиция в целом согласуется с подобным взглядом; но в нашем случае нам нужно нечто большее, мы должны сказать, в чём именно заключается это благо. Утверждение, что оно состоит в простом наличии истинных обоснованных убеждений, звучит довольно неубедительно: почему считается, что *это* непременно должно делать нашу жизнь лучше? Чем вам помогло знание в этом смысле за последнее время?

Есть мнение, что знание *обогащает*: оно придает форму и особые свойства нашему 'Я', как бы расширяет и соединяет его с тем, что находится за пределами его одинокой жизни. Но не совсем понятно, почему это непременно должно быть таким благом для нас: обильная еда тоже расширяет 'Я', соединяет его с миром, находящимся за его пределами, хотя вряд ли ожирение является тем, что может сделать жизнь чем-то ценным. Для этого расширение должно быть связано с чем-то, что само по себе является благом. Было бы разумным предположить, что знание увеличивает понимание и сопереживание, но здесь мы снова рискуем исключить из нашего рассмотрения многие менее

возвышенные виды жизни, кроме того, неизбежно встает вопрос и о самих этих предполагаемых ценностях. Простой когнитивный контакт с вещами кажется слабой основой для возведения теории ценности жизни.

Мы опасно близки к тому, чтобы продемонстрировать, что на самом деле *нет* ничего, что делало бы нашу жизнь чем-то ценным в том смысле, в котором мы обычно это имеем в виду. Может быть, это просто ложное убеждение, которое гены заложили в нас по своим эгоистичным причинам, например, вроде веры в то, что наша родня есть что-то особенно ценное в сравнении с чужаками. Существует множество ценных вещей, которые являются содержанием или коррелятами жизни, такие как удовольствие, красота, добродетель, таланты и связанные с ними достижения, но, похоже, жизнь сама по себе лишена какой-либо внутренней ценности. Можно согласиться с тем, что знание в широком смысле характерно, по крайней мере, для 'высших' форм жизни, оно заложено в любой психике, в каждом сознательном или бессознательном процессе. Но остается неясным, какую внутреннюю ценность имеет такое знание. Что есть ценного, например, в остром зрении совы, позволяющем видеть объекты на большом расстоянии (не считая того, что это полезно при ловле добычи)? Почему моя способность определять положение солнца так важна для ценности моей жизни? И что хорошего в том, чтобы знать о страшных трагедиях?

Можно предположить, что знание придает смысл не обладающему жизнью познающему существу, но реальности вне его. Дело не в том, что человеческая жизнь была бы бессмысленной без знания, а в том, что без него была бы бессмысленна наша *Вселенная*. Быть живым — это благо, потому что без жизни познающих существ сама Вселенная окажется бессмысленной. То, что я имею в виду, лучше всего объяснить следующим образом. Рассмотрим Вселенную до появления жизни: ничто не знало о ней (в данном случае я исключаю Бога), ничто не осознавало ее существование. Она просто *существовала*, как грубая лишённая разума вещь, никем не осознаваемая и никому не известная. Представьте себе, если бы жизнь так никогда и не появилась, Вселенная существовала бы вечно в состоянии полной безвестности — были бы просто огромные участки материи, пространства и времени, и не было ничего, что знало бы это или знало бы что-нибудь вообще. Не видится ли это чем-то откровенно мрачным, пустынным и даже трагичным? Существовать настолько незамеченным, настолько неценным, настолько пренебрегаемым — это кажется подлинным воплощением бессмысленности. Это похоже на книгу, которую никто никогда не читал. Ничто в ее буйной истории не было бы воспринято ни одним живым познающим существом. Она будет просто механически перелистываться. И такое положение дел представляется мне крайне печальным.

Представьте, если бы у Вселенной действительно была душа, своего рода внутреннее психическое измерение: разве она не чувствовала бы огромного одиночества, как-будто ее вечно игнорируют и избегают? Разве не жаждала бы она создать познающее существо, способное наблюдать за ней и размышлять о ней? Что если в каком-то секторе Вселенной развилась примитивная жизнь, создав удивительные и сложные растения, но ни одно познающее существо так и не узнало бы об этих

растениях? Или где-то развились бы животные, но у них полностью отсутствовал разум, сознательный либо бессознательный, и они тоже навсегда остались бы незамеченными и неизвестными? А что если на планете Земля обитали эволюционировавшие виды, но ни один из них не обладал даже минимальной познавательной способностью, так что ничто на нашей планете так никому и не стало известным? Все это кажется таким бессмысленным, таким тщетным и таким мёртвым. Даже сам факт существования Вселенной навсегда остался бы никому неизвестным, просто гигантским грубым фактом, ничего не значащим и ничем не выраженным. Ее существование заключалось бы в том, чтобы *не* быть воспринимаемой. Ее реальность осталась бы абсолютно незамеченной.

Таким образом, кажется, что познания Вселенная лучше, чем непознания. В первом случае мы имеем лучшее положение дел из возможных (даже если нам все еще трудно понять, что именно знание дает для самого познающего). Поэтому даже если быть живым и не являться чем-то ценным, для самого живого организма, — это благо для *Вселенной*. То, что мы живы и обладаем сознанием, позволяет ей избежать трагедии радикальной безвестности. Аналогичным образом ситуация обстоит и с *пользой*: какой смысл содержать всю эту энергию, если ни одно живое существо так никогда и не воспользуется ею? Возьмем, к примеру, Солнце: с появлением жизни оно приобретает жизненно важную функцию, являясь основой всей органической жизни нашей планеты; но если бы жизнь здесь никогда так и не возникла, тогда вся эта энергия была бы потрачена впустую, — и какой смысл *тогда* был бы в Солнце? Оно было бы просто массивным огненным шаром, висящим в пространстве безо всякого повода и не приносящим никакой пользы. Поддержание жизни является тем, что придает смысл существованию Солнца. Не то чтобы *его* это так или иначе волновало, но *нас* волнует то, что оно существует не просто так. Нам не нравится думать о Вселенной как о бесполезной и непознанной — это оскорбляет наш здравый смысл и соображения экономики. Зачем вообще создавать такую огромную и впечатляющую сущность, если она никогда ни для кого не будет иметь значения? Просто быть — не повод для существования. Нам не нравится думать о себе как о бесполезной и безвестной сущности, и мы распространяем то же самое чувство на Вселенную. Без наличия в ней познающей жизни Вселенная кажется нам колоссальной тратой времени и усилий, бессмысленной шуткой, онтологической ошибкой. Поэтому, когда мы рассматриваем Вселенную и наше место в ней, мы можем сказать себе, что придаем ей ценность просто тем, что осознаем ее, спасая ее тем самым от бремени бессмысленного существования. Быть живым — это благо, потому что мы придаем смысл 'жизни' Вселенной. Наша жизнь имеет ценность постольку, поскольку она придает ценность чему-то помимо нас — независимой от разума реальности.

Однако, даже если в этих наших размышлениях что-то и есть (несмотря на безусловные натяжки), нам все же не удалось найти защиту идеи о том, что быть живыми является для *нас* благом. Мы нашли ценности в жизни (удовольствие, таланты и связанные с ними достижения), но мы не нашли никакой безусловной ценности *того, чтобы* жить. Для нас это довольно мрачный и неутешительный результат, но у него есть и положительная

сторона: смерть теперь не кажется такой уж однозначно *плохой* вещью. Если мы не можем сказать, что сама по себе жизнь является чем-то ценным, значит, по сути своей она не имеет никакого превосходства над смертью: жизнь как таковая ничем не лучше смерти. Действительно, будучи живыми, мы можем реализовать блага, которые невозможны в мертвом состоянии (удовольствие, творчество, добродетель и т.д.), но само по себе состояние жизни не превосходит состояние смерти. Нет ничего, по сути, ценного в том, чтобы *просто* быть живым, даже если, являясь таковыми, мы не испытываем ни боли, ни страданий. Гены промыли нам мозги и заставили поверить, что жизнь, в отличие от смерти, является высшим благом, но рациональное исследование не выявило никаких прочных оснований для такого рода инстинктивной веры. Если жизнь по тем или иным причинам становится невыносимой, мы не нарушаем никаких нормативных принципов, когда принимаем решение перейти в состояние смерти. Нас нельзя обвинить в отрицании безусловного базового блага, если мы прекращаем жизнь, в которой нет ничего ценного. Жизнь на самом деле может быть чем-то ценным в силу того, что в ней есть действительно ценные вещи, но не тогда, когда ситуация в ней складывается прямо противоположным образом.

Примечания переводчика

¹ Теория самоконтроля [The Self-Monitoring Theory of Mind] впервые была предложена американским социальным психологом Марком Снайдером [1–4] в качестве объяснения того, в какой степени диспозиционные установки людей определяют их актуальное поведение. Согласно Снайдеру, индивидуальные различия в степенях самоконтроля должны помочь объяснить, почему поведение некоторых людей отражает их диспозиционные установки, тогда как у других людей между поведением и диспозиционными установками наблюдается крайне слабая степень соответствия. Он предположил, что, когда человек отслеживает свое поведение, он наблюдает за поведением и действиями других людей, а также контролирует то, какое внешнее выражение получает его индивидуальное поведение. Люди с высоким уровнем самоконтроля постоянно контролируют поведение окружающих людей и на этой основе определяют и корректируют свое поведение и действия. Люди, обладающие низким уровнем самоконтроля и не контролирующее свое поведение в зависимости от поведения окружающих людей, пытаются привести внешнее выражение своего индивидуального поведения скорее в соответствие со своими феноменальными ощущениями, чем с реальной ситуацией или поведением окружающих людей. В отличие от людей с высоким уровнем самоконтроля, поведение которых в основном определяется сложившейся реальной ситуацией, люди с низким уровнем самоконтроля в моменты актуального действия следуют своим внутренним сигналам и чувствам.

Библиографический список

1. Snyder M. Self-Monitoring of Expressive Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1974. Vol. 30, № 4. P. 526–537. DOI: 10.1037/h0037039.
2. Snyder M., Monson T. Persons, Situations, and the Control of Social Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. Vol. 32, № 4. P. 637–644. DOI: 10.1037/0022-3514.32.4.637.
3. Snyder M., Tanke E. D. Behavior and Attitude: Some People Are More Consistent Than Others // Journal of Personality. 1976. Vol. 44, № 3. P. 501–517. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1976.tb00135.x.

4. Snyder M. Self-Monitoring Processes // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1979. Vol. 12. P. 85–128. DOI: 10.1016/s0065-2601(08)60260-9.

Сведения о переводчике

КОЧНЕВ Роман Леонидович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, медиа и журналистики Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

SPIN-код: 7887-8053

AuthorID (РИНЦ): 961891

ORCID: 0000-0001-9064-1175

ResearcherID: AAZ-6320-2021

Адрес для переписки: r.l.kochnev@utmn.ru

UDC 171

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-94-98

EDN: IETORP

Источник перевода: McGinn C. *Why Is It Good to Be Alive?* // *Philosophical Provocations: 55 Short Essays*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. P. 269–274.

Ссылка на полный текст эссе: https://www.google.ru/books/edition/Philosophical_Provocations/OAQxDwAAQB_AJ?hl=ru&gbpv=1&dq

Для цитирования

МакГинн К. Почему быть живым — это благо? = McGinn C. *Why Is It Good to Be Alive?* / пер. с англ. Р. Л. Кочнева // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 4. С. 94–98. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-94-98.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023 г.

© К. МакГинн

C. McGinn

Jesus College,
University of Oxford,
Oxford, UK

Translated from English
R. L. KOCHNEV

Tyumen State University,
Tyumen

WHY IS IT GOOD TO BE ALIVE?

The essay raises the problem of the value of life. For living organisms like us, it appears to be an unconditionally good. It seems that the necessary grounds for such an attitude must be in the ontological structure of life itself. But an impartial analysis shows that the value of life is something external to life itself.

Keywords: life, death, value, pleasure, knowledge.

References

1. Snyder M. Self-Monitoring of Expressive Behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. Vol. 30, no. 4. P. 526–537. DOI: 10.1037/h0037039. (In Engl.).

2. Snyder M., Monson T. Persons, Situations, and the Control of Social Behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975. Vol. 32, no. 4. P. 637–644. DOI: 10.1037/0022-3514.32.4.637. (In Engl.).

3. Snyder M., Tanke E. D. Behavior and Attitude: Some People Are More Consistent Than Others // *Journal of Personality*. 1976. Vol. 44, no. 3. P. 501–517. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1976.tb00135.x. (In Engl.).

4. Snyder M. Self-Monitoring Processes // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1979. Vol. 12. P. 85–128. DOI: 10.1016/s0065-2601(08)60260-9. (In Engl.).

Media and Journalism Department, University of Tyumen, Tyumen.

SPIN-code: 7887-8053

AuthorID (RSCI): 961891

ORCID: 0000-0001-9064-1175

ResearcherID: AAZ-6320-2021

Correspondence address: r.l.kochnev@utmn.ru

For citations

McGinn C. *Why Is It Good to Be Alive?* / trans. from Engl. R. L. Kochnev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 94–98. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-94-98.

About the translator

KOCHNEV Roman Leonidovich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Philosophy,

Received September 26, 2023.

© C. McGinn